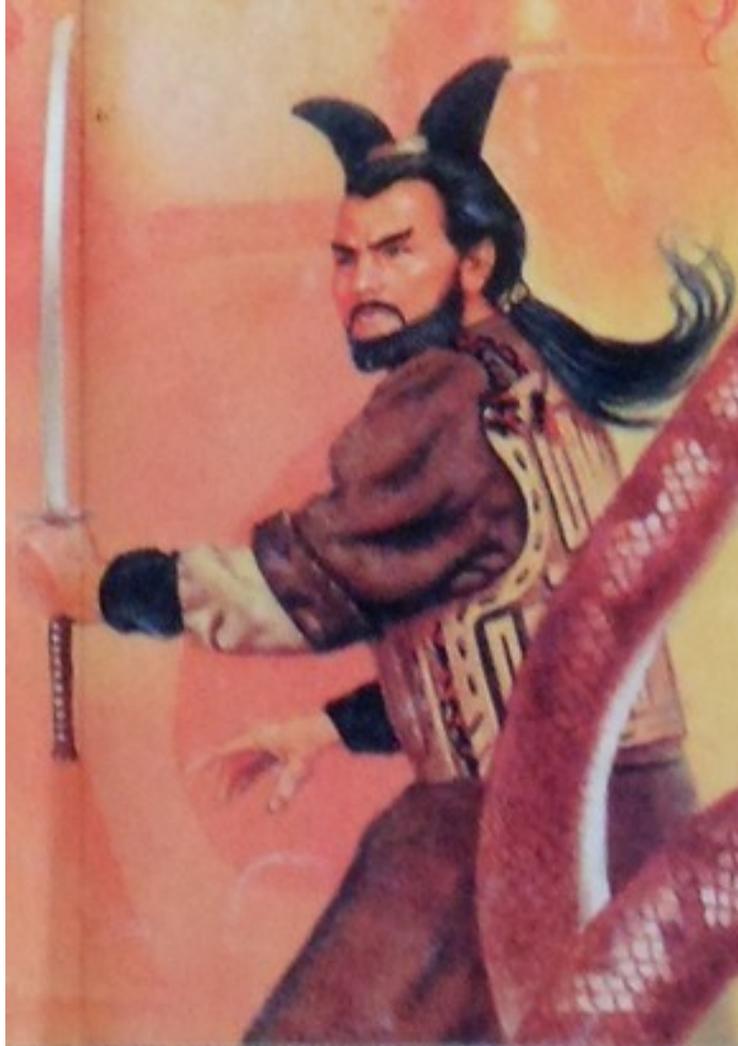

**ЛЕОНИД
КУДРЯВЦЕВ**

**ЛАБИРИНТ
СНОВ**

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Мир снов

Леонид Кудрявцев

Лабиринт снов

«Автор»

1995

Кудрявцев Л. В.

Лабиринт снов / Л. В. Кудрявцев — «Автор», 1995 — (Мир снов)

Когда-то давно инспектор снов Сверири схватился со зморой – способным управлять снами чудовищем в обличье прекрасной женщины. Он проиграл и та выкинула его в статичный мир, не позволяя вернуться обратно в мир снов. Но теперь змора придумала новую игру, в ходе которой Сверири придется пройти по созданному ей из украденных снов лабиринту...

© Кудрявцев Л. В., 1995

© Автор, 1995

Содержание

1	5
2	8
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Леонид Кудрявцев

Лабиринт снов

*Всегда помни, кто ты, зачем пришел в этот сон, и не пропусти момент, когда из него нужно уходить.
Одна из заповедей инспекторов снов.*

*«Фиг вам!» – сказала Красная Шапочка, доедая Серого Волка.
Народное присловье.*

1

В настоящей женщине должно быть что-то от волчицы. А эта...

Ну, не важно.

Может быть, именно поэтому она и ушла.

Я вытащил из ящика письменного стола пистолет и, положив его перед собой, закурил сигарету.

Вороны за окном орала как оглашенные.

Вот и все.

Я посмотрел на пистолет. Он казался гораздо тяжелее, массивнее, чем был на самом деле. Забавно. Пистолет. «Смит-Вессон», шестьсот пятьдесят граммов весом, с магазином на десять патронов.

Мне вспомнилась барахолка и запросивший за него полторы тысячи небритый, невзрачный мужичок. Тщательно пересчитав деньги, он пожал мне руку и растворился в толпе.

Значит, все это было не зря. Сейчас эта покупка пригодится.

Сигаретный дым вяло уплывал в форточку.

Мне хотелось закрыть глаза, расслабиться. Постепенно, кусочек за кусочком, забыть все, что я когда-либо знал, до тех пор, пока вместо памяти не останется лишь полная пустота. И тогда появится ощущение небывалой, никогда до того не случавшейся свободы. Я подпрыгну и, словно воздушный шарик, взлечу, выскользну в форточку...

Если бы это было возможно!

Я вылез из-за стола, прошелся по комнате и остановился у окна. Прижавшись лицом к стеклу, стал смотреть на улицу.

Там был грязный асфальт, и по нему куда-то катил на велосипеде мальчишка в драном трико, а также стоял, неловко приткнувшись к обочине, новенький «запорожец» с наклейкой на ветровом стекле «Патроль ниссан». Вот остановились две соседки, толстые, глупые и осатаневшие от жизни. Почти сразу же одна обозвала другую дурой и сейчас же услышала в ответ, что сама «больно умная». Они вяло, словно проговаривая давно надоевшую роль, стали ругаться. А мимо них тянулась нескончаемая вереница мужиков в фуфайках. Каждый держал в руках сетку, наполненную пустыми бутылками.

Тяжело хлопая крыльями, пролетела большая, можно сказать – огромная, ворона. Кажется, она мне подмигнула.

Я вспомнил птицу-лоцмана и затосковал.

Нет, никогда я ее больше не увижу, не услышу шума ее крыльев, никогда больше она не опустится на мое плечо.

Наверное, надо было тяжело вздохнуть, но вместо этого я повернулся спиной к окну и внимательно посмотрел на пистолет.

Теперь он казался маленьким спящим зверьком, готовым в любой момент проснуться и забрать жизнь того, кто до него дотронется. Впрочем, вполне возможно, он лишь делал вид, что спит, а на самом деле просто ждал. Меня. Он знал, что я никуда от него не денусь, сколько бы ни ходил, сколько бы ни смотрел в окно.

Я вернулся к столу, и пистолет послушно лег в мою руку.

В воздухе все еще чувствовался запах духов той, что ушла. Ничего, скоро он исчезнет.

Холодный ствол ткнулся в висок. Теперь осталось только сказать себе: «А слабо?..»

Кстати, надо встать так, чтобы пуля, не дай бог, не вылетела на улицу. Еще попадет в кого-нибудь.

Ну вот, теперь, собственно, можно и начинать.

Щелкнул предохранитель.

Интересно, когда найдут мое тело? Сейчас, днем, все на работе. Выстрел никто не услышит. А если и услышит, то пойти узнать, кто в кого стрелял, просто побоится. Этот мир жесток. Излишне любопытный может запросто получить в живот пулю. Просто так, за компанию.

Получается, мое тело найдут не скоро. Может быть, только тогда, когда запах из комнаты станет нестерпимым.

Я опустил пистолет.

Передо мной по стене бежала тоненькая горизонтальная линия, потом от нее отделилась вертикальная и опять горизонтальная. Они соединились.

Не может быть.

Вот линии очертили прямоугольник, он стал темнеть, по нему, словно по экрану испорченного телевизора, побежали полосы. На секунду линии исчезли, потом возникли вновь, став четче. И наконец передо мной появилась дверь.

Оставалось лишь ее открыть и куда-нибудь войти.

Сунув пистолет в карман, я достал из шкафа старую кожаную куртку. Надев ее, я открыл дверь. За ней была черная, безграничная пустота. Правда, сразу за порогом лежал круг света, словно приглашение, напечатанное на открытке с пошлой картинкой.

Похоже, змора придумала что-то новенькое. А может, ей не понравилось, что я хотел сбежать из статичного мира? Нет, в таком случае она бы просто вытащила меня в свой мир, а там мгновенно превратила бы мой пистолет в нечто совершенно безобидное.

Я выкинул окурочку в форточку. Через несколько секунд с улицы послышался истошный женский крик:

– Хулиган! Посадить тебя, козла интеллигентного, надо, чтобы в честных людей окурки не бросал. Сейчас милицию вызову! Книжки поганец читает и нос задрал! Ну выгляни, выгляни, вонючка, я тебе зенки-то выдавлю!

Пожав плечами, я подумал, что фокус с неожиданным возникновением двери больше всего походил именно на вежливое приглашение. К чему бы это?

Я шагнул на круг света, и он спружинил подо мной, как хорошо натянутый батут.

Ну и что дальше?

С сухим бумажным треском круг разорвался, и, словно Алиса в кроличью норку, я полетел вниз.

Ударивший в спину ледяной ветер едва не перевернул меня на живот, но неожиданно стих. Я падал, падал и падал вниз. Длилось это до безобразия долго. Временами мне казалось, что я вовсе и не падаю, а неподвижно завис в пустоте и это никогда не кончится.

Потом я замерз и, чтобы согреться, стал дрыгать ногами и размахивать руками. Впрочем, через некоторое время опять потеплело, и я посчитал это благоприятным знаком.

Я даже посмотрел вниз, но там была лишь непроглядная темнота. Вот мимо меня пролетела широкая, усеянная голубыми звездочками огненная лента.

Откуда-то я знал, что она живая.

Интересно, каким меня видит это существо?

Я вздохнул.

Странное равнодушие и отрешенность постепенно овладевали мной. Не хотелось ничего, даже дышать стало трудно.

Вдруг у меня под ногами полыхнуло. Мимо меня пролетело облако сверкающих искр, и я ухнул в тяжелый, вязкий, словно кисель, голубой туман. Он неохотно расступался под моей тяжестью, но постепенно стал жиже, поредел. Теперь я падал все быстрее и быстрее. Сквозь туман стали проступать какие-то неясные контуры. Я стал прикидывать, на что они похожи, но вдруг упал на наклонную поверхность и стремительно покатился вниз.

Мир кружился вокруг меня. Я отчаянно пытался остановиться, но никак не мог. А потом склон кончился. Я приложился обо что-то головой, да так, что из глаз посыпались искры, и потерял сознание...

2

...Воздух пах миндалем.

Вынырнув из беспомощности, я долго лежал, даже не пытаюсь открыть глаза, и со всхлипыванием, судорожно нюхал этот запах, пропускал его сквозь ноздри, наслаждался им.

Постепенно, придя в себя окончательно, я сообразил, что все же попал в мир зморя.

Ну еще бы, какой другой мир мог так пахнуть? В какой еще другой мир я мог попасть?

Голова у меня кружилась, слегка подташнивало. Видимо, я хорошо обо что-то приложился там, на склоне. Хотелось забыться и не думать ни о чем, совсем ни о чем. Или же нет, думать, но только о чем-нибудь постороннем, не имеющем никакого отношения к зморе и ее странному миру, о чем-нибудь давнем, давно забытом и вдруг, как бы без особой причины вспомнившемся...

Да, я вспомнил.

Мне почему-то вспомнился Гунлауг-учитель.

Именно он...

Теплая осенняя ночь. Костер, в котором потрескивают сырые смолистые веточки. Рассеянно подобрав с земли длинную обожженную палку, Гунлауг вонзает ее в костер, так что к небу взлетает целый рой искр, и продолжает рассказывать:

– ...Защитники крепости один за другим умирали от голода. Кончились снаряды для больших баллист, и котлы, из которых в первые месяцы осады лили на головы штурмующих кипящий жир, опустели. Хоронить мертвых было некому. У тех, кто еще оставался в живых, не хватало на это сил.

Но никто из осажденных и не помышлял о сдаче. Все знали, что пощады не будет. А тем временем злобные тролли, предчувствуя победу, ликовали. Когда же из темных джунгхарских лесов на подмогу к ним явились вооруженные кривыми тяжелыми мечами, в латах из кожи саламандр гоблины, тролли стали готовиться к последнему штурму.

Зная, что наутро их ждет неминуемая гибель, ночью, оставив на стенах лишь нескольких часовых, защитники крепости собрались на совет. На исходе ночи, когда большая кровавая луна Темисо поднялась на свой небесный трон, а маленькая – голубая, по имени Джамиран – стыдливо, как и каждую ночь, спрятала свое лицо за горизонтом, встал верховный жрец бога Гипноса.

Он сказал, что выслушал всех и понял, что никто не знает, как спастись от лютой смерти. Но он придумал, как ускользнуть из крепости и обмануть кровожадных троллей. Для этого надо уйти в странный и загадочный мир снов. Правда, добавил он, заканчивая свою речь, вернуться из мира снов обратно будет уже невозможно.

Задумались было дайны, но тут слабый ночной ветерок донес до них со стороны лагеря осаждающих скрип и стук. Это сколачивались штурмовые лестницы и щиты, чтобы защищаться от стрел.

И каждый посмотрел на небо родного мира, на стены родного города, каждый вспомнил о могилах славных предков. Но выхода не было. Мало кому хотелось умирать, и никто не желал зла своим женам и детям.

Когда же наступил рассвет и голубое солнце показалось над горизонтом, верховный жрец бога Гипноса пропел заклинание и возникла дверь в мир снов...

Через час солнце поднялось уже достаточно высоко и окрасило аквамариновым цветом покрытые жемчужными раковинами крыши домов города дайнов.

И начался штурм.

Не встретив ни малейшего сопротивления, тролли и гоблины ворвались в крепость и не обнаружили в ней ни одного человека. Все защитники исчезли неизвестно куда. Остались лишь покинутые дома и то имущество, которое дайны не смогли унести с собой.

Сообразив, что их провели, вожди гоблинов и троллей переругались. Каждый винил в неудаче другого. Наконец, собрав то, что осталось, а надо сказать, что дайны прихватили с собой наиболее ценные вещи, тролли и гоблины с позором вернулись, одни в свои джунгли, другие – в мрачные теснины кромпонских гор. С тех пор отношения между этими двумя племенами испортились, и редко когда какой-нибудь гоблин, встретив на глухой лесной тропе тролля, отказывал себе в удовольствии вонзить ему кинжал в спину. Если в подобной ситуации оказывался гоблин, то тролль поступал точно так же.

Исчезновение же дайнов так и осталось великой тайной, поскольку никто в других племенах не мог определить, куда они исчезли. И только временами жрецы бога Гипноса, когда при них начинали обсуждать этот загадочный случай, понимающе переглядывались и едва заметно усмехались.

А дайны, попав в мир снов, увидели, что он странен и чужд. Многие поначалу погибли, поскольку не знали, как в этом мире жить и добывать себе пропитание. Если бы им не помогал верховный жрец бога Гипноса, они бы погибли все. А так уцелело несколько сотен самых сильных и умных.

Шло время. Народ дайнов выжил и все увеличивался. Поначалу находились безумцы, пытавшиеся искать путь обратно, в тот мир, из которого пришли. Ничего у них не вышло.

Сменялись поколения. Постепенно стерлись воспоминания о статичном мире, и мир снов стал для дайнов родным. Те, кто в нем родился, не могли уже представить, как можно жить в другом мире и каким он может быть, этот другой мир. Даже тогда, когда дайны подружились с птицами-лоцманами и научились не только путешествовать по снам, но и находить выходы в статичные миры, никто уже не мог определить, какой из них является им родным. Да и ни к чему это было. Потому что мир снов стал для них родным.

Дайны даже сменили имя. Теперь за то, что были они честны и храбры, всегда поступали по справедливости, а также не щадя живота боролись со всякой в изобилии населяющей сны нечистью – со зморями, паразитами снов, темными порождениями кошмаров и, конечно же, с черными магами, – их прозвали инспекторами снов. Неизвестно, из какого языка было взято это слово, но для многих жителей мира снов оно имело значение и воспринималось не только как имя.

Вот так в мире снов появились первые инспекторы снов.

С этого начинается их история...

Гунлауг-учитель задумался.

На мгновение из темноты вынырнула и, пролетев над костром, сгнула без следа птичка-врушка об одном крыле. Гунлауг кинул в огонь еще одну ветку. Взлетел рой золотистых ос и там, в бездонной синеве, медленно и беззвучно погас.

– Кстати, – задумчиво сказал Гунлауг, – те первые дайны, явившиеся из реального мира в мир снов, могли производить странное действие – спать. С каждым новым поколением это искусство встречалось все реже, пока и вовсе не утратилось. А жаль. Судя по всему, с помощью этого искусства первые дайны могли создавать сны. Если бы мы смогли вернуть это забытое искусство, то значительно бы увеличили свою власть.

Вздыхнув, Гунлауг вытащил из костра уголек и, прикурив от него сигарету, швырнул обратно.

– Впрочем, жизнь слегка напоминает ненасытное чудовище. Больше всего она любит взимать дань, плату. И, как правило, всегда берет больше, чем дает. Так уж получается, такова жизнь, и ничего тут не поделаешь. Видимо, с дайнами произошло то же самое. За то, что попали в мир снов, они заплатили тем, что утратили дар эти сны видеть.

Иногда я спрашиваю себя, равноценный ли это обмен? Не знаю. Для того чтобы это определить, мне надо хотя бы один раз умудриться не провалиться в безвременье, а заснуть.

Кто знает, что я тогда почувствую и что со мной случится?

Да и вообще, так ли уж он неравноценен? Как это определить? Вот например: кто скажет, сколько стоят те пять минут, когда ты летом стоишь у окна, куришь и вдруг понимаешь, что вся вселенная, все окружающее вошло с тобой в странную мимолетную гармонию, и ощущаешь великий, безграничный, неопиcуемый покой? И стоит ли за эти пять минут заплатить несколькими седыми волосками? Кто знает? Кто определит? Кто оценит?

Он усмехнулся и добавил:

– Вот такие дела, мой нерадивый, ленивый, глупый ученик, из которого, если позволит великий Гипнос, выйдет действительно что-то стоящее...

Я открыл глаза и приподнял голову. Меня все еще слегка мутило. Я чуть было снова не рухнул на асфальт, но удержался и даже попытался сесть. Как ни странно, это мне удалось.

Через пять минут я настолько пришел в себя, что даже заметил и смахнул приставший к щеке окурок.

Ну конечно, это был мир зморы. Что же это еще могло быть? Над головой у меня висел огромный, раза в два больше, чем солнце, огненный шар. В его безжалостном свете медленно плавилась унылые кирпичные трехэтажные дома с выбитыми стеклами. Они закрывали горизонт, но я знал, что в мире зморы до него недалеко – километров пять, не больше.

Неподалеку, на капоте насквозь проржавевшего автомобиля, сидел здоровенный стертвятник и смотрел на меня неподвижными, похожими на оловянные пуговицы глазами. Вот он разочарованно покрутил головой и, развернув огромные крылья, с противным криком улетел.

А вдруг змора пригласила меня сюда для того, чтобы эта милая птичка не подохла от голода?

Встав, я посмотрел на свои руки и, увидев, что они почему-то испачканы мелом, вытер их о штаны.

В этот момент откуда-то из-за ближайших домов наплыл жуткий монотонный вой. Он звучал все громче и громче, пока не стал таким, что мне показалось, будто у меня вот-вот лопнут барабанные перепонки. Я хотел было заткнуть уши пальцами, но тут вой смолк. На мгновение воцарилась неестественная тишина, но вот в одном из полуразрушенных домов что-то скрипнуло, потом оттуда послышался грохот, словно по паркету прокатали большой булыжник.

Я подумал, что не был в мире зморы целых три года. Кстати, он ничуть за это время не изменился.

Все же интересно, зачем я ей понадобился?

Прикинув, в каком направлении находится черная стена, я двинулся в путь.

Под ногами шуршали выцветшие на солнце бумажки от конфет. Подошвы моих ботинок гулко шлепали по потрескавшемуся асфальту.

Метров через сто был перекресток, и, свернув направо, я увидел лежавшие возле стены высокого, со множеством мраморных колонн и просевшей крышей дома кучи золота. Мне показалось, что с тех пор, как я был здесь последний раз, их стало больше.

Интересно, зачем они зморе?

Из крайней кучи торчало нечто, смахивающее на кривую полуобугленную ветку. Заинтересовавшись, я подошел ближе и всмотрелся.

Великий Гипнос!

Это оказалась мумифицированная рука. На ее безымянном пальце виднелось кольцо с печаткой в форме странного рунического знака.

Так и не сумев вспомнить, на что этот знак похож, я пожал плечами и двинулся дальше.

По мере того как я удалялся от центра мира зморы, моя тень становилась все длиннее. Солнце уже не жарило так безжалостно, и даже подул легкий ветерок. Под подошвами похрустывали черепки глиняной посуды, каменные наконечники стрел и копий, косточки каких-то мелких животных. С каждым шагом этого мусора было все больше. Дома, мимо которых я шел, становились все ниже. Большой частью это были одноэтажные развалюхи. В их стенах то и дело попадались проломы. Затянувшая их паутина, казалось, охраняла скрытую за ними жирную, наполненную странной жизнью темноту. Временами паутина с влажным чмоканием разрывалась, из пролома высовывался кончик толстого, масляно поблескивающего щупальца и начинал слепо шарить по улице. Вот одно из них метнулось было ко мне, но на полдороге остановилось и безвольно опало.

Из-за угла дома на противоположном конце улицы вышел зомби и остановился, засунув руки в карманы потертого, с засаленными рукавами пиджачка. На голове у него была фуражка-восьмиклинка, на ногах сапоги, причем на правом позвякивала здоровенная стальная шпора, а носок левого был перевязан бечевкой, чтобы укрепить отставшую подошву. Его вздувшееся, покрытое трупными пятнами лицо было неподвижно, словно страшная маска. Мертвые, пустые глаза смотрели прямо на меня.

Я подумал, что в прошлый раз, три года назад, зомби у зморы был другой. Значит, поменяла. Или прежний пришел в негодность. Хотя скорее всего поменяла. У них, у змор, считается хорошим тоном менять зомби как можно чаще.

Зомби ухмыльнулся и вытащил из висевших на поясе ножен шашку. Правда, нападать на меня он, похоже, не собирался. Просто стоял неподвижно, как статуя, и лишь солнце вспыхивало на блестящем, видимо, отлично заточенном клинке.

Я совершенно спокойно прошел мимо него, но шагов через двадцать все же не удержался и обернулся.

Зомби уже не было. Только на том месте, где он стоял, крутился пыльный смерчик да порхала неизвестно откуда взявшаяся банкнота, похоже, трехрублевка.

Ну и ладно.

Я свернул налево и наконец-то увидел черную стену. В высоту она имела не более трех-четырёх метров, была абсолютно гладкая и действительно жутко черная. Метрах в пятидесяти от нее город заканчивался, и начинался небольшой, голый, без единой травинки, пустырь. Стены крайних домов усеивали пятна жирной копоти. Как будто время от времени со стороны черной стены кто-то ради развлечения стрелял по ним из огнемета.

Я остановился шагах в десяти от черной стены и стал ждать, когда из нее появится змора.

Она не торопилась.

Я посмотрел на черную стену, и в этот момент мир перевернулся, оказался вверх, а черная стена – вниз. Я словно бы парил над огромной черной расселиной. Ее чернота манила меня к себе, притягивала. Чувствовалось, что стоит исчезнуть той неведомой, не дающей мне упасть силе, и я рухну вниз, в темноту. Воздух вокруг меня заколебался. Вот-вот он меня отпустит, и тогда...

Тут из черной стены появилась змора, и наваждение исчезло. Она остановилась от меня шагах в пяти. Глаза у нее были странного фиолетового цвета. Вот они насмешливо вспыхнули, алый, прекрасно очерченный рот округлился, словно змора увидела нечто в высшей степени интересное, например, очень умную собачку, способную выкидывать невероятно забавные штучки.

Неторопливо, до умопомрачения изящным жестом она вскинула руки и поправила волосы. При этом ее черное, в кружевах, платье поднялось на несколько сантиметров, давая возможность лучше рассмотреть стройные длинные ноги.

Вот только на такие штучки меня было не взять.

Неторопливо, стараясь не делать резких движений, я вытащил сигарету и закурил.

– Приветствую тебя, Сверир, – сказала змора. В голосе ее чувствовалась насмешка.

Я ничего не ответил. Стоял, курил и с тоской думал о том, что она могла бы не тянуть волынку, а просто сказать, что ей на этот раз от меня нужно, – и точка. Тошно мне было. Может, из-за того, что опять вспомнилась птица-лоцман, окровавленным, бесформенным комком падающая на землю.

– Ну же, инспектор снов без птицы-лоцмана, – продолжала змора. – Похоже, дела твои в статичном мире пошли не очень хорошо. Ты даже хотел ускользнуть. Причем совершенно варварским способом. Ай-ай, нехорошо, совсем нехорошо. Что же это? Насколько я знаю, за минувшие три года ты не пробовал уйти из статичного мира, и тут вдруг такая попытка... Сдался, что ль? Жаль, когда я тебя поймала, ты, честно сказать, выглядел вполне браво. И все же не прошло и трех лет, как попытался уйти в загробный мир. Почему?

– Не твое дело, – мрачно сказал я.

– Ай-ай-ай, какие мы гордые, – засмеялась она. Смех у нее был очень звонкий и красивый. – А все же в висок себе пальнуть ты хотел. Кстати, почему именно в голову, а не в сердце?

– Ладно, хватит болтать. Лучше скажи, зачем позвала.

– Ну, это от нас не уйдет. Это потом. Все же ответь, почему ты пытался уйти именно так? Там, на цепи миров, ты уже не смог бы быть инспектором снов.

Я вздохнул.

Спору нет, она была чертовски красива, но занудлива...

– Неужели ты струсил?

Я понял, что она не отстанет, и буркнул:

– Любой дурак знает, что из статичного мира в мир снов без помощи птицы-лоцмана не уйдешь. Что же мне оставалось? Только великая цепь.

Змора всплеснула руками и снова рассмеялась:

– Значит, ты решил действовать именно так? Что ж, совсем неплохо. Вот только я не получила того удовольствия, которое ожидала. Я-то думала поразвлекаться, наблюдая за твоими попытками выбраться. А ты лишил меня этого удовольствия. Поэтому я делаю тебе предложение. Ты согласен меня выслушать?

Я сделал вид, что не слышу ее вопроса.

– Ну, что же ты, отвечай! Так как, Сверир, ты согласен?

– Ладно, я тебя слушаю, – сказал я, прикидывая разделявшее нас расстояние. Между нами было шагов пять, не больше. Вот только я почему-то знал, что сейчас пытаться ее убить не стоит. Ничего не получится.

– Вот и отлично. – Змора непринужденно уселась на большой, мгновенно, словно огромный цветок, выросший из земли диван и посмотрела на меня искоса, с иронией. – Давай-ка поговорим. Давно уже я с тобой не говорила, целых три года, и поскольку поболтать здесь не с кем... Честно сказать, соскучилась...

– Врешь ты все, – сказал я.

Змора кокетливо хихикнула и с глупым видом просюсюкала:

– Значит, взрослый дяденька не хочет иметь дел с маленькой девочкой? Не хочет ее развлекать, сказать какую-нибудь чепуху типа той, что говорил в прошлый раз... Да, вспомнила, ты говорил про честный бой, по правилам... Кстати, глупость страшная. Я здорово тогда позабылась. Давай ты мне сегодня что-нибудь такое же скажешь. Только не сейчас, а под конец, по возможности неожиданно.

Она откинулась на спинку дивана и опять поправила прическу.

– Значит, так. – На лице у нее появилось мечтательное выражение. – Поскольку ты совсем не желаешь меня развлекать, пытаюсь сбежать из статичного мира, я придумала совсем другую забаву. Предлагаю сыграть в игру...

– Игру?

– Ну, если хочешь – предлагаю тебе пари, сделку... Хотя мне почему-то нравится слово «игра». Итак, я делаю тебе предложение. Принимаешь ли ты его?

– Я не ослышался? – удивился я.

– Отнюдь. У тебя даже есть шансы выиграть. Ну как, согласен?

– А что за игра?

– Да очень простая. У меня тут есть небольшой лабиринтик снов. Он такой простой, что, будь у тебя птица-лоцман, ты ускользнул бы из него в два счета. К счастью, о твоей птице-лоцмане я позаботилась еще в нашу первую встречу... Итак, я отпускаю тебя в этот лабиринт, а ты должен найти из него выход в мир снов. Если ты его найдешь, то сумеешь уйти. Правда, ставить тебе палки в колеса я буду, это уж непременно, но ведь ты не так глуп, как кажешься. Не правда ли? Ну, ты согласен?

Я усмехнулся.

– Фи, вы не умеете обращаться с дамами. – Змора хихикнула. – Кстати, предупреждаю, от моего предложения отказываться нельзя. Если не будешь играть в эту игру, мне не останется ничего другого, как вернуть тебя в статичный мир и там оставить.

– Вот так?

– Да, именно так, – подтвердила она. – Я хочу поразвлекаться, и ничего предосудительного в этом нет.

Во рту у нее на секунду мелькнули острые зубки.

– Значит, ты желаешь поразвлекаться? – спросил я.

– А как же. Должна же я, в конце концов, получить свое удовольствие? Впрочем, тебе эта игра тоже должна понравиться. Подумай, ты будешь свободен и сможешь сколько душе угодно разгуливать по лабиринту. Он устроен очень просто, и ты легко с помощью соединительных туннелей сможешь переходить из сна в сон даже без птицы-лоцмана. Правда, если ты до конца игры попытаешься вернуться сюда или появиться на пустыре лабиринта, тебя встретят мои люди.

– Ну-ну, – сказал я. – С таким противником, как ты, стоит играть, лишь когда шансы равные. А в этой игре мои шансы не более одного к ста. Нет, лучше уж я вернусь в статичный мир и, может быть, если будет настроение, снова попробую поэкспериментировать со своим маленьким пистолетиком.

– Подумай, – убеждала змора. На ее алебастрово-белом лице, кажется, даже появился едва заметный румянец. – Если ты проиграешь, то всего лишь жизнь, а вот я-то проиграю гораздо больше. Я проиграю целый мир. Между прочим, создать его было не фунт изюма слопать. Я не говорю уже о тех снах, что наворовала для лабиринта. А самое главное – я проиграю свое будущее. Представляешь, какое оно у меня может быть? Ведь я вполне могу даже захватить кусок статичного мира, стать в нем чем-то важным и заметным, большим человеком. Там не знают, кто такие зморы и как с ними бороться. Кстати, многим до меня это удавалось. И еще, ты же знаешь, что с помощью снов можно управлять людьми – самыми обыкновенными, не вами, инспекторами снов. Нашепчешь во сне, смотришь, и человек просыпается совсем с другими мыслями, нежели те, с которыми он засыпал... Впрочем, сейчас это не важно, сейчас меня интересуют ты и наша игра. Заруби на носу, я предлагаю тебе самые льготные из всех возможных условия.

– Ну да, конечно, – проворчал я.

Собственно, спорить с ней не имело смысла. Я уже понял, что соглашусь. Несмотря на то что выиграть предложенную ею игру скорее всего просто невозможно. Мне не хотелось обратно в статичный мир. А игра давала пусть призрачный, но все же шанс. Чем черт не шутит, когда бог спит? Конечно, пару часов назад я хотел покончить с собой, но вот смогу ли я это сделать вновь? Сомнительно. Хотя бы потому, что сейчас у меня был выбор: смерть против мизерного, но все же шанса спастись.

Вот забавно! Придворным увеселителем я еще не был. Шутом. И у кого? У жалкой, ничтожной зморы, которую, не попади я из-за идиотской беспечности в засаду, легко бы одолел.

Я тяжело вздохнул и тоскливо сказал:

– Ведь надуешь, обязательно надуешь.

Сказано это было, конечно же, для проформы.

Змора захихикала:

– Не увиливай, говори, что согласен, и нечего терять время. В общем, так: до лабиринта дойдешь без осложнений, а там – как знаешь. Все в твоих руках.

– И в твоих, – буркнул я.

– И в моих, – согласилась она.

– Ладно. – Я выплюнул окурок. – Только учти, никаких обещаний я не давал. Если сбегу, найду себе новую птицу-лоцмана и вернусь. Ты прекрасно знаешь, чем это для тебя закончится.

– Ладно, ладно, – улыбнулась змора, и у нее во рту снова блеснули острые, длинные зубки. – Игры без риска не бывает. Значит, мы договорились, и ты согласен?

– Согласен. А теперь... скажи-ка мне, в чем тут подвох. Насколько я тебя знаю, его просто не может не быть.

– Конечно, подвох есть, – невозмутимо сообщила змора. – Дело в том, что я могу и врать. Из моего мира в мир снов выхода может и не быть. В таком случае, согласившись на эту игру, ты сделал ошибку. Еще одну ошибку ты сделал, когда согласился, не поинтересовавшись всеми правилами игры. Поэтому предупреждаю – буду использовать любую возможность, чтобы помешать. Вот видишь, ты еще не начал игру, а наделал уже столько ошибок! Но это не важно. Напоследок могу сообщить истинную цель этой игры. Я хочу знать, смогу ли я так тебе задурить голову, что ты не сможешь в конце концов с уверенностью сказать, в каком мире находишься. Я решила, что если мне это удастся, то стоит попробовать завоевать кусочек статичного мира, а там... ну, не важно. И еще, чтобы ты не задира л нос, я буду время от времени напоминать тебе о своем существовании, подавать знак, что за тобой наблюдаю, что ты все еще в моей власти. Каким образом? Придумаю.

Она радостно улыбнулась.

– Ну, теперь ты уже пожалел, что согласился?

Я сплюнул в ее сторону и закурил новую сигарету. Делая первую затяжку, я заметил, что пальцы у меня слегка подрагивают. Это меня разозлило, и я сказал:

– Все равно я от тебя убегу. А потом обязательно вернусь.

– Ах ты поросенок, – задумчиво сказала змора. – Значит, решил показать мне зубки? Надеюсь, ты понимаешь, что я с тобой сделаю, когда игра закончится?

– Только если она закончится в твою пользу.

– Уж я постараюсь, чтобы так и вышло. – Глаза зморы зловеще блеснули.

Я показал ей «нос».

– Жаль, – покачала головой змора. – Очень жаль. Хорошо, ты сам этого хотел. И так, игра началась, и не будем зря тратить время.

– А почему ты сказала «жаль»? – поинтересовался я.

– Тебе это интересно?

– Конечно.

– Мне действительно тебя жаль. Неужели ты надеешься, что у тебя на самом деле есть хотя бы шанс? Я бы лично на твоём месте сейчас же покончила бы с собой и не ввязывалась в эту игру.

– А я вот ввязался, – решительно сказал я.

– Действительно? – усмехнулась змора.

Из ее рта вдруг вырвался огненный шар и, потрескивая, стремительно полетел ко мне. Отскочив в сторону, я оглянулся и увидел, как он врезался в стену ближайшего дома. Вспыхнуло жаркое пламя и почти мгновенно погасло. Только на стене осталось свежее пятно жирной копоти.

– Пока, мой герой, – томно пропела змора и быстро сделала шаг назад. Черная стена дрогнула, мгновенно на нее надвинулась и, проглотив, отступила обратно.

Я сплюнул себе под ноги и тихо выругался. У меня было ощущение, что меня обвели вокруг пальца. Ну ничего, мы еще встретимся. Да и отступить поздно – игра уже началась. Ничего другого не оставалось, как идти к лабиринту.

Вдруг змора высунула из черной стены голову и сказала:

– Кстати, придумала – сигналом, напоминающим о том, что я за тобой слежу, будет скрип у тебя под ногами. Оригинально, правда? Он будет звучать независимо от того, пойдешь ли ты по песку, глине или траве. Он будет особенный, ни с чем другим ты его не перепутаешь. Ну, на этот раз действительно – все. К делу, мой глупенький смельчак!

Подмигнув мне, она исчезла в стене.

Я выкурил еще одну сигарету.

Змора больше не появлялась.

Чувствуя, что во рту у меня противно горчит, поскольку последняя сигарета была уже лишней, я двинулся в сторону лабиринта снов.

3

Город был по-прежнему пустынен, только в тех домах, внутри которых виднелись щупальца, слышалось чье-то тяжелое, прерывистое дыхание.

Миновав пару улиц, я подумал, что принять предложенную зморой игру мог только полный идиот. Такой, как я.

Эх, сюда бы Гунлауга-учителя. Уж он бы нашел какой-нибудь выход. Впрочем, он бы просто в такое положение не попал.

Ладно, хватит сожалеть. Ничего не изменишь!

Я шел и шел. Купол мира зморы поднимался над моей головой все выше и выше. Опять стало жарко. На несколько секунд асфальт у меня под ногами как-то странно заскрипел, и только когда скрип смолк, я догадался, что именно о нем мне и говорила змора.

Действительно, этот скрип ни с каким другим перепутать было нельзя. Ну и черт с ним.

Я прошел мимо куч золота. Из ближайшей по-прежнему торчала мумифицированная рука. Только теперь она была крепко сжата в кулак.

Остановившись, я несколько секунд смотрел на нее. Конечно, надо было бы подойти и узнать, что это за такая странная рука. Но я этого делать не стал. Почему-то мне этого не хотелось. Очень не хотелось.

В конце концов, пожав плечами, я все же двинулся дальше.

Не доходя до того места, в котором очнулся, вернувшись из статичного мира, я свернул направо. Теперь солнце у меня было за спиной, а жара стала просто невыносимой. Впрочем, впереди уже виднелся просвет между домами. Именно к нему я и шел.

Чем ближе он становился, тем больше поднималось мое настроение. Все-таки, несмотря ни на что, я вырвался из статичного мира. Да, я мог застрять там на бесконечно долгое время, а здесь... здесь был шанс что-то придумать.

Город кончился...

Передо мной до самого конца мира зморы простирался, кое-где покрытый вереском и зарослями полыни, пустырь лабиринта снов.

Посмотрев на дальний конец мира зморы, туда, где купол смыкался с землей и лежали длинные голубые тени, я в очередной раз поразился тому, что относительно небольшой, километра два с половиной в диаметре, пустырь скрывал под собой огромный, состоящий из сотен снов лабиринт.

Впрочем, когда имеешь дело со снами, бывает и не такое.

Весело насвистывая, я пошел по пустырю.

Сейчас мне не хотелось думать ни о зморе, ни о нашей с ней игре, я радовался, что снова попал в сны. И пусть меня ждет жуткая смерть. Она будет еще не скоро. Да и будет ли? А сны – вот они, можно прикоснуться.

Где-то неподалеку пересвистывались похожие на сурков зверьки.

Я вспомнил, как три года назад меня со связанными руками вели по этому пустырю серые рыцари. Впереди них шла змора. Она была горда и довольна. Еще бы, поймать инспектора снов.

Я поежился.

Воспоминание, конечно, было неприятное.

Завидев меня, пересвистывавшиеся зверьки высоко подпрыгивали и исчезали в норах.

Через несколько десятков шагов попался первый вход в сон. Он походил на туманный шар диаметром около метра. Я хотел было в него сразу прыгнуть, но передумал. Наверняка змора рассчитывала, что я прыгну именно в этот первый сон, и приготовила для меня в нем несколько неприятных сюрпризов. За кем угодно, а уж за ней по этой части не заржавеет.

Нет, сразу приканчивать меня она не станет, но вот, например, скинуть в средней паршивости кошмар – это запросто. Будь у меня птица-лоцман, я бы рискнул. А так...

Я обошел первый сон стороной, а вслед за ним и второй, третий...

У седьмого или восьмого я остановился и огляделся. Теперь вокруг меня виднелись десятки и десятки входов в сны. Какой же из них выбрать?

Я подумал, что в этот момент похож на буриданова осла.

Надо было делать выбор, и как можно скорее.

Я присел на корточки перед входом, возле которого стоял, и заглянул в него.

Вход как вход. Едва заметные голубые полоски по краям указывали на то, что он настоящий. Впрочем, иногда попадаются очень хорошо сделанные обманки. Бывают обманки, у которых в центре даже видны малиновые крапинки.

Прыгать или не прыгать в этот сон, я раздумывал минут пять и уже совсем было решил прыгать, как вдруг в траве мелькнул «сурок». Остановившись у входа, он деловито принюхался, а потом резво скакнул в сон.

Похоже, передо мной была не обманка. Животные всегда совершенно точно знают, где сон, а где его копия. Вот только уж слишком демонстративно в нее прыгнул этот зверек. Кстати.

Я решил подождать.

Если в течение ближайших пяти минут в этот сон прыгнет еще один «сурок», то можно будет не сомневаться – это штучки зморы. Зачем-то она хочет, чтобы я в этот сон попал.

Зверек появился. Так же как и первый, остановившись перед входом в сон, он принюхался, но, вместо того чтобы прыгать, стрелой бросился прочь.

Я почесал затылок.

Точно, чем это еще может быть, как не шуточками зморы?

Вот только мне-то что теперь делать?

Послышался топот копыт. Я оглянулся и вздрогнул.

Ко мне ехали пять серых рыцарей. Они были не так уж далеко и, увидев, что я их заметил, пришпорили коней.

Это мне не понравилось.

Один из рыцарей на скаку выстрелил из лука. Стрела пролетела в нескольких сантиметрах от моей головы.

Ого!

Я посмотрел на вход в сон.

Конечно, прыгнуть в него – проще пареной репы. Не слишком ли просто? Может быть, серые рыцари появились только для того, чтобы загнать меня именно в этот сон?

Вторая стрела вонзилась в землю в сантиметре от моего ботинка.

Вытащив из кармана пистолет, я неторопливо прицелился и выстрелил. В этот момент серый рыцарь уже готовился пустить третью стрелу. Пуля попала ему в грудь. Он откинулся на спину и стал медленно заваливаться набок, а стрела, поблескивая наконечником, полетела вверх.

Я подумал, что она наверняка воткнется в купол, но сейчас было не до нее. Оставались еще четыре серых рыцаря. Они по-прежнему скакали ко мне. Нас разделяло метров сорок, не больше.

Вот они словно по команде выхватили из ножен мечи и наклонились к гривам лошадей. Теперь попасть в них будет труднее.

Все же я еще два раза выстрелил и, конечно, ни в кого не попал.

Теперь оставалось рассчитывать только на быстроту ног.

Я побежал к соседнему сну.

Топот копыт за моей спиной становился все громче. Когда до входа в сон осталась всего лишь пара шагов, над моей головой свистнул меч. Резко метнувшись в сторону, я увернулся от

удара и в следующую секунду прыгнул в сон. Прежде чем его стенки сомкнулись у меня над головой, я умудрился выстрелить еще раз и даже вроде бы не промахнулся.

Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения.

Я был уже в сне.

Меня подхватил нисходящий поток и осторожно, можно даже сказать – бережно, стал опускаться вниз. Сунув пистолет в карман, я принялся.

Сон, в который я попал, почему-то пах паутиной.

Это мне не понравилось. Хотя что-либо предпринимать было уже поздно. Даже если здесь меня ждала ловушка, избежать ее не было никакой возможности.

Обдумывая это, я между тем опускался все ниже и ниже. Окружавший меня туман был зеленым. Почему-то от него у меня защипало в носу. Я даже чуть не чихнул. А туман становился все гуще и гуще, собирался в струйки. Они гладили мне лицо, погружали в состояние приятной истомы. Поеживаясь от их прикосновений и, кажется, даже слегка хихикая, я подумал, что жизнь выкидывает довольно забавные штуки. Вот совсем недавно, казалось, со мной покончено, но появилась надежда. Она, безусловно, окажется ложной, и я опять решу, что со мной покончено.

Интересно, попытаюсь ли я еще когда-нибудь застрелиться? Вряд ли. Зачем повторяться? Это так неоригинально. Нет, в следующий раз надо попробовать веревку или, на худой конец, цианистый калий. Душевная, говорят, штука.

Туман поредел, потом, словно театральная кулиса, рванулся вверх, и я стукнулся ногами о пол мрачного, сырого, увешенного заплесневевшими гобеленами коридора. В конце его виднелась тяжелая, окованная железом дверь.

Кто-то за моей спиной кашлянул. Повернувшись, я увидел красноносого толстого бородача в кирасе, украшенной серебряными насечками, с алебардой в руке. Физиономия у него была жутко заспанная.

– Добрый день, – вежливо сказал я. – Мамонт здесь не пробегал?

– Что? – удивленно спросил толстяк и наморщил брови, пытаюсь понять, что это я такое ему сказал. Чувствовалось, что интеллектом его не задавишь. Оставалось попробовать нечто старое, как сам мир.

– Птичка! – Я ткнул пальцем вверх.

– Где? – оживился он и задрал голову.

Я ударил его в челюсть.

Рухнув, бородач загремел так, словно уронили несколько жестяных тазов.

Теперь по крайней мере я увидел другую часть коридора. Ничего особенного в ней не было. Повернувшись, я снова посмотрел на окованную железом дверь. Очевидно, толстяк ее охранял. Взглянув на распростертое у моих ног тело, я заметил пристегнутую к поясу стражника связку ключей. Наверняка среди них был один от этой окованной железом двери, за которой скорее всего лежали несметные сокровища или же пара пустых, наполненных пылью сундуков.

Это нужно было проверить. Но только не сейчас. Попозже. Пока я падал в сон, мне пришел в голову изумительный план. Для того чтобы его претворить в жизнь, нужна была горсть-другая чего-нибудь ценного, например, бриллиантов или золота.

Вот только прежде чем пускаться в ход золото, нужно было устроить небольшой переполох.

Я пошел в противоположную окованной железом двери сторону. За первым же поворотом, сладко причмокивая и пуская пузыри, спал стражник.

Некоторое время я задумчиво смотрел на его сонное, блаженное лицо. Честное слово, уж слишком сладко он спал. Грех было тревожить такой сон, но выхода не было.

Я вытащил у стражника из ножен меч и легонько уколол его острием в плечо. Тот вяло взмахнул рукой, словно отгоняя муху, но просыпаться и не думал.

Тогда я ударил по шлему стражника рукояткой меча. Это его пробудило. Он вскочил и забормотал:

– Осмелюсь доложить... что за время... хр-хр... когда проходит мое дежурство... хр... а также на вверенном мне посту...

– Вот я тебя! – гаркнул я. – Сейчас на куски разрублю и скормлю свиньям! Да я!..

Стражник подпрыгнул, повернулся и с неожиданной прытью бросился наутек. Убегая, он наткнулся на стоявшие у стен покрытые плесенью большие кувшины. Они падали и с грохотом разлетались на куски.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. На бегу я методично разбивал рукояткой меча те кувшины, которые стражник пропустил.

Со следующим попавшимся мне стражником произошло то же самое. Со следующим – тоже. Короче, минут через десять впереди меня бежали уже три перепуганных, отчаянно работающих ногами, похожих друг на друга как две капли воды толстяка.

Чувствуя, как начинаю задыхаться, я подумал, что замок в этом сне очень странный. Похоже, расшевелить его обитателей не так-то просто. В любом другом месте на тот грохот, который производили я и трое моих подопечных, уже сбегалось бы уйма народу. В этом же замке никто даже не попытался открыть дверь в коридор, высунуть нос и поинтересоваться, что происходит.

Так, может, здесь никого, кроме стражников, и нет?

Я остановился и перевел дух.

Топот убегаящих стражников становился все глуше и глуше.

Нет, надо узнать, живет ли здесь еще кто-нибудь, кроме этих толстяков.

Заметив неподалеку какую-то довольно узкую дверь, я распахнул ее и попал в просторную комнату с обтянутыми бархатом стенами и большой, под балдахином, кроватью. Возле нее стояла юная, одетая в платье с большим декольте девушка, судя по всему – придворная дама, может быть, даже фрейлина.

Увидев меня, она от удивления открыла рот, показав белейшие в мире зубки. Я подумал, что при большом переполохе женский визг просто необходим, и, сделав зверское лицо, гаркнул:

– А вот я тебя сейчас изнасилую!

Издав радостный вопль, она кинулась ко мне.

– Мадемуазель, – бормотал я, пытаясь освободиться от ее изящных, но удивительно сильных и цепких рук. – Нет, только не так... Что вы делаете?.. Мадемуазель, опомнитесь... Нет, нет...

Игриво хихикая, она стала подталкивать меня к кровати.

– Мадемуазель! – чувствуя, что слабею, простонал я. – Дело о жизни и смерти! Я должен спасти другую женщину, которую безумно люблю! Но если вы так уж хотите, я могу с вами поразвлечься... часок, не больше. А потом я отправлюсь спасать ту... ту... воздушную, неземную и божественно кра...

Она зашипела и, отскочив в сторону, отвесила мне звонкую пощечину. В течение нескольких секунд она вытолкала меня в коридор и с грохотом захлопнула за моей спиной дверь.

Прислушиваясь к скрежету закрываемого засова, я потерял левую щеку и ошарашенно чертыхнулся.

Вот это да! Что же теперь делать?

Ничего не оставалось, как отправиться по коридору дальше.

Шагов через десять до меня дошло, что в замке почему-то тихо.

А где храбрецы-стражники?

Вытащив из кармана пистолет, я двинулся дальше. Впереди вполне могла быть засада.

Минут через пять, свернув за очередной угол казавшегося бесконечным коридора, я обнаружил всех трех стражников. Они спали как убитые. Сон, похоже, сморил их на бегу.

Чувствуя, что начинаю злиться, я закурил и посмотрел вверх.

Под самым потолком было узкое оконце. В него пробивался лучик света, в котором плясали золотистые пылинки. Я подумал, что у них своя, сложная, наполненная движением и тайным смыслом жизнь. Может быть, в ней даже имелось нечто роковое, трагическое.

Не то что у меня. Мне всего лишь было нужно разбудить трех сонных стражников.

Минуты через три окурочек стал жечь мне пальцы, и я быстро сунул его за железный ворот кирасы ближайшего ко мне стражника. Через некоторое время оттуда стала подниматься тоненькая, но постепенно густеющая струйка дыма. Постучав по шлему стражника согнутым пальцем, я сказал ему в самое ухо:

– Пожар. А ну-ка вставай, соня, а то сгоришь.

Стражник беспокойно заворочался, потом открыл один глаз и спросил:

– Что, действительно пожар?

– Конечно, – сочувственно сказал я ему. – Между прочим, горишь именно ты.

– Ну и черт с ним, – пробормотал стражник.

Отцепив с пояса большую флягу, он поболтал ею возле уха. В ней явственно булькало. Отвинтив у фляги крышечку, стражник вылил ее содержимое себе за ворот. Дым исчез. Удовлетворенно хрюкнув, стражник уронил пустую фляжку на пол и, закрыв глаза, в ту же секунду захрапел.

Я тяжело вздохнул.

Действительно, устроить переполох в этом замке довольно мудрено. Может, рискнуть и попытаться счастья снаружи? Только надо не забыть перед тем, как отсюда уйти, заглянуть в сокровищницу. А почему бы в нее не отправиться прямо сейчас?

Уходя, я думал об этих блаженно похрапывавших стражниках и слегка им завидовал.

Может, плюнуть на все и поступить на службу в этот замок? Хотя бы на недельку. Забыть о всяких там зморах и лабиринтах, целыми днями спать, есть и снова спать. Судя по тому, какие стражники упитанные, кормили их неплохо. И никаких забот, никаких хлопот...

Страж сокровищницы лежал в той же самой позе, в которой я его оставил. Судя по издаваемому им храпу, он тоже самым бессовестным образом спал.

Мне даже стало слегка страшно. Что-то совершенно неестественное было в этом сонном замке. Впрочем, во снах бывает еще и не такое.

Сняв с пояса стражника связку ключей, я подошел к окованной железом двери. С пятой попытки ключ подошел, замок открылся, и дверь со страшным скрипом распахнулась.

Войдя в сокровищницу, я огляделся.

Груды золотых и серебряных слитков, сундуки, набитые монетами, шкатулки с бриллиантами, кучи великолепно отделанного холодного оружия.

Да, сокровищница была что надо.

На куче платиновых слитков сидел зомби зморы и смотрел на меня неподвижными мертвыми глазами.

– Привет! – сказал я ему и направился к сундуку с золотыми монетами.

– Привет, – как эхо повторил за мной зомби. Голос у него был сиплый, словно у старого алкаша.

Я запустил руку в сундук, вытащил горсть монет и высыпал себе в карман.

– Так вот ты какой, инспектор снов Сверир. – Я мог бы поклясться, что голос у зомби был задумчивым. – А золото тебе зачем?

– Не твое собачье дело.

– Все-таки ты грубиян, – пробормотал зомби. – Одного не пойму... Зачем змора с тобой возится? Могла бы запросто шлепнуть. И все! Ни забот ни хлопот. Ну-ка, скажи мне, чем ты для нее так ценен?

– Да ты не поймешь, – сказал я, засовывая в карман вторую горсть золотых монет. – Где уж тебе...

– Ну да, где уж мне... – Зомби погладил рукоятку висевшей у него на боку шашки. – Только я ведь тоже когда-то был живым. Эх, золотое было времечко! Я тогда в доме одном жил. Там еще по ночам собака выла и колдовство всякое происходило. Странный был дом... Это я помню хорошо... А может, этого всего со мной и не было, может, это еще будет? С нами, зомби, ведь знаешь как? Мы такие чудные не только потому, что помним свою прежнюю жизнь, но также и будущую. Мы ведь не люди, мы между ними, между двумя воплощениями, предыдущим и последующим. Мы...

Он замолчал и стал, словно африканский колдун, раскачиваться из стороны в сторону, все сильнее и сильнее. Потом он издал протяжный вопль, застыл и, ткнув в мою сторону пальцем, возвестил:

– Ты, ты пришел согнать меня с моего места! Большие неприятности ждут тебя. Очень большие! Тебя живьем сварят в смоле, пронзят серебряными иглами и разрежут на тысячи кусков. Откажись от этих мыслей! Откажись!

– Это что с тобой? – удивленно спросил я, продолжая наполнять карманы золотом.

– А? – Зомби опустил руку, некоторое время смотрел на нее, словно пытаясь вспомнить, для чего эта штука служит. Наконец он пожал плечами и, переместив на меня тяжелый, мертвый взгляд, спросил:

– А вот ты, что ты будешь делать, когда умрешь?

– Ну, уж во всяком случае, не докучать живым глупыми вопросами, – буркнул я. – Буду тихо лежать в могилке и прорастать травкой, а может быть, и кустиками чертополоха.

– Прорастать, конечно, здорово, – сказал зомби. – Если тебе дают это делать. А если нет? Кстати, без дурацких шуток, на полном серьезе, заруби на носу – когда змора тебя угробит, на мое место не рассчитывай.

– Да зачем оно мне? – удивился я. – Впрочем, меня еще сначала угробить надо. Это будет сделать не так-то уж и легко.

– Гораздо легче, чем ты думаешь. Хотя, по моим сведениям, под хорошее настроение ты вполне можешь покончить с собой и сам. Взять, например, и пальнуть себе в висок из пистолета.

– А вот это уже не твое дело. – Я начал злиться. – Таких, как ты...

– Ну да, – кивнул зомби. – Кстати, кроме тебя, в гробу меня видело еще очень много народу. Ты лучше скажи мне одну вещь. Не то чтобы я жаждал ее услышать, но вот все же мне немножко интересно. Скажи, а инспектором снов быть хорошо?

– Зачем это тебе?

Не хотелось мне с ним об этом разговаривать.

– А может, я в своей следующей жизни стану инспектором снов? Хочу знать, стоит ли быть таким, как ты? Я ведь кем только не был. Даже став зомби, не сидел без дел. Одно время подрабатывал призраком. По Европе шлялся. Кому-то это было выгодно, забыл его фамилию... вроде бы фамилия у него была Парвус и еще там кто-то, такой суетливый в движениях, такой из себя... Не важно это все. Кстати, жил я тогда припеваючи, платили мне совсем неплохо.

Он задумался и вдруг, обнажив в усмешке кривые зубы, сказал:

– Ладно, все это в прошлом. Лучше расскажи мне, как ты стал инспектором снов.

– Как? Да очень просто. Я им родился. Мои отец и мать тоже были инспекторами снов. Так что, если, родившись, не обнаружишь у себя способностей инспектора снов, будь уверен, стать им тебе не грозит.

– И где ты жил, пока не вырос?

– В одном очень красивом сне. Его нашел папа. Там было здорово. Там стоял наш замок. Шпили, высокие крепостные стены, ров.

– Здорово, – сказал зомби. – Я тоже как-то в одном замке побывал. Это в прежней жизни. Мы этот замок штурмом брали. А потом, когда всех его обитателей развесили по крепостным стенам, выяснилось, что у них в подвале хранилось недурное винцо. Нам бы, прежде чем вешать хозяина замка, с ним надо было хорошо потолковать, а мы поторопились. Короче, этого вина попробовали немногие, да и то наспех. Замок-то к тому времени уже всюю польхал... Да, золотое времечко. Это когда я воевал под знаменем железного барона... А что, твой замок еще цел?

– Нет, – помотал головой я. – И родители погибли. Тогда было нашествие робооборотней. Они блокировали сон, в котором стоял наш замок. Отец с матерью все же умудрились выкинуть меня в другой сон, а сами прорваться уже не смогли. Так они там, в том сне, и остались, погибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.